

Д. С. БАБКИН

Русская риторика начала XVII в.

Древне-русских трудов по теории ораторского красноречия до нас не дошло. Рассматриваемая нами здесь русская Риторика начала XVII в. является первым из числа известных нам в этом роде произведением. Она написана была русским автором на десятки лет раньше известных в западной Европе XVII в. риторик Кауссина и Поменя, которые буржуазная историография обычно считала первообразом всех русских риторик XVII и начала XVIII в. Данная Риторика, как показывают факты, имела широкое распространение в списках и легла в основу позднейших русских риторик, поэтому заслуживает того, чтобы обратиться на нее должное внимание.

Обычное представление о риторике связывается со средневековыми схоластическими училищами, в которых она преподавалась. Но такое представление неверно. В русской книжности знакомство с риториками опередило организацию налаженного школьного обучения.

Первые, известные нам, занятия риторикой в России сосредоточивались в монастырях, — центрах древне-русской книжности. В начале XVII в. русское правительство обращается в монастырь за помощью к лицам, „которые подлинно и достохвально извычны книжному учению и грамматику и риторию умеют“.¹

От этого времени дошла до нас Риторика, на основании которой мы реально можем представить себе уровень и проблематику тогдашней науки о красноречии в России. Она сохранилась в ряде рукописей начала XVII в. Нам известны из них следующие:

1. Сборник, озаглавленный „Философская“ [книга], XVII в., в 8-ю долю, на 654 листах; писан полууставом и частично скорописью; переплетен в деревянные доски, обтянутые тисненой кожей, с двумя медными на ремнях застежками.

¹ Н. Кедров. Просветительная деятельность Троице-Сергиевой лавры за первые три века ее существования. М., 1892, стр. 59; А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. 1903, стр. 119—120.

Находится в собрании Московской синодальной библиотеки, хранящемся ныне в Государственном Историческом музее, № 933.¹

Сборник состоит из следующих частей:

лл. 1—205 „Книга глаголемая осмочастная Иоанна Дамаскина подobaет нам тако списати и глаголати“,

лл. 206—369 „Премудрая святая диалектика блаженного Иоанна Дамаскина“,

лл. 370—473 Риторика, озаглавленная „Книги суть риторики двои по тонку в вопросах списаны, скорого и удобнаго ради научения“,

лл. 474—616 Книга притчей,

лл. 617—651 „Книга глаголемая космография“,

лл. 652—654 разрозненные заметки по философии и другим вопросам.

Входящие в состав сборника части писаны в разное время тремя разными почерками. Рукопись Риторики имеет точную дату. В конце ее, на обороте 473 листа, сказано: „Преписана с божиею помощию в лета 7128 (1620) году в марте месяце“.

Однако сборник в целом был составлен гораздо позднее. В конце Диалектики Дамаскина, на листах 365—369, имеется небольшая глава „Увещание о летописце“, в которой писец рассказывает о времени работы над этой рукописью и дает некоторые весьма любопытные сведения о себе. В этой главе он сообщает, что начал переписывать Диалектику „в лето осмия тысящи 148 году от создания мира (т. е. в 7148—1640) месяца июлия 28“, а закончил 8 августа того же года.

„Наконец, — продолжает он, — убогаго ми во слезах жительствова от желания многолетна со многим рачительством и любезным приплетаея прилежаннем, потщахся сию святую премудрую философскую книгу восписать хартиєю и чернилом многогрешною ми рукою, собирая на справу многи иныя сеи подобныя книги и к сим прилагая благоданную ми благодать грамматически справу, да бы ми воистинну истинна избобрести. Зане видех сию премудрую и глубочайшую в разуме книгу от презорства и нерадением невеж пишущих во многих главизнах и словесах сущаго ея разума улишени и пребых множицею чтый, искии истинни и изъясняя светлость глагол чертами, запятыми и точками, еще же и оглавление наложих по числу цыфирныя мудрости ради разумения неведущих. О скорбех моих, бедах и в гонении напастях не вем что изреку, выше бо силы моя постигоша мя во время оно ненавидящии мя. И умножися паче влас главы моя стужающии ми всуе, зане сидех в дому плача и воздыхания. Сильными святыми века сего за извещение слова божия предан бых во узы яко злодей и связан железы лютости, всегда томим пристрастивными озлобленни

¹ Упоминается в обзорах: В. Погорелов. Библиотека Московской синодальной типографии. Часть первая — рукописи. Выпуск второй. Сборники и лексиконы. М., 1899, стр. 24; А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. 1903, стр. 119—120.

и естественными недостатками воды и хлеба. И сих ради безмерных скорбей, яко вран на нырищи забдех, и яко птица не имый во обитание дому, и едва возмогах видети конец в совершении желания моего, и о сем возвеселихся, яко обретая корысть многу; и аще в чесом за немощь человеческого ума погреших, и аще кто от любомудрых паче нас весть, да не будет зазрително, ибо человек есть, и еще учащих мя ишу и требую вразумляющих. Вы же, возлюблении, хотяши преписовати или чести моих рук сие трудолюбство, и где аще в чесом погрешено обрящете, молю вы по бозе со прилежанием смиренномудрия, а не с кичением тщеславия собою свое исправляйте, и бог мира да будет с вами zde и в день будущего века. Аминь.

Аще кто хочет разумети имя написавшаго книгу сию, и се предлагаю ти счет по алфе. Имат бо начало сугубую пятерицу [i] и по семь осмыкружная сторица с единицею [oa] и дваши пятерица десятиц за един [н н]. Чтый да разумеет [т. е. имя Иоани]“. Последние две страницы этой главы замараны чернилами, а некоторые строки даже выскоблены ножом. Читается только написанная на полях скорописью фамилия писца: „Козырев“. Внизу страницы (оборот 368 л.), на которой в зашифрованном виде было написано имя и фамилия писца, сказано: „Житель Великого Новаграда“.

Следовательно этот, судя по обширной записи, писец Иван Козырев жил в Новгороде и занимался переписыванием книг, за которые, по новизне их содержания, подвергался со стороны „невеж“ гонению и даже заключению в „доме плача и въздыхания“.

Данный сборник хотя и не весь писан рукою Ивана Козырева, но составлен несомненно им. Об этом свидетельствуют отдельные приписки его рукою в разных местах сборника. Рукопись Риторики, включенная в этот Сборник, является более ранней, относящейся к 1620 г., и написана другим лицом. Однако Козырев, включая ее в свой сборник, написал к ней на восьми страницах нечто в виде предисловия, озаглавив его: „О Ритории похвала и сказание“ (лл. 370—373). Совершенно в аналогичном стиле им было написано также предисловие к Диалектике Дамаскина (лл. 206—209), которое называется: „О диалектике похвала и сказание о разуме ея“.

Наконец, в самом конце сборника, в виде заключения, рукою Козырева написано „Сказание о седми свободных мудростей“. В этом сказании говорится:

„Мудрость первая словесного любомудрия — грамматика; мудрость вторая по сей словесного же любомудрия — мудрая диалектика; по сем третья мудрость словесного любомудрия — премудрая риторика; мудрость 4-ая — мусика; мудрость 5-ая — арифметика есть числительная; мудрость 6-ая — геометрия, яже есть землемерная; мудрость 7-ая — астрономия, яже небоокружная и небесная воздушная движения“.

Обрамляя разрозненные рукописи приписками, Иван Козырев очевидно стремился установить между отдельными статьями внутреннюю

связь и тем самым создать некоторое единство всего сборника. Судя по помете на рукописи „Диалектики“, сборник этот был составлен им в 1646 г.

В дальнейшем этот сборник переходил из рук в руки. О владельцах его сохранились записи 1640 и 1679 гг., сделанные на внутренних сторонах крышек переплета.

В конце XVII в. этот сборник поступил в Патриаршую библиотеку, а из нее был передан, очевидно, для временного пользования вместе с другими риториками и учебными сборниками в школу Законоспасского монастыря в Москве. Факт передачи зафиксирован на форзаце сборника. Внизу листа киноварью написано: „Прислана с патриаршего двора в 7205 (1697) году“. Такие же надписи киноварью, сделанные одним и тем же почерком, встречаются и на других рукописях, переданных в 1697 г. из Патриаршей библиотеки в Законоспасский монастырь.

На обороте титульного листа сборника имеется надпись профессора Спасской школы Афанасия Скиады, в которой он определяет время написания рукописи. Его рукою написано наверху листа: „Videtur scriptus seculo 17“.

Долгое ли время пользовались этим сборником в Спасской школе, — никаких помет об этом на рукописи нет. Однако данная Риторика XVII в., по этому списку или по какому-либо другому, была занесена Афанасием Скиадою в составленный им в 1722 г. каталог рукописных книг, содержащихся в Синодальной библиотеке.¹

Один из сборников, содержащий в себе рукопись Риторики аналогичного содержания, попал из школы в Библиотеку Московской синодальной типографии. На нем также стоит надпись: „Прислана с патриарша двора в 7205 (1697) году“. Ниже имеется позднейшая помета: „Книга Риторика была в школе“.²

¹ Каталог этот был издан в 1723 г. в Москве, на латинском и русском языках под заглавием: „Два каталога рукописных книг греческих, в Синодальной библиотеке в Москве обретающихся, которые в лето 1722 году в месяце марте Афанасием Скиадою, прежде бывшим от кавалерии обер-аудитором, ныне же эллиногреческия школы профессором рассмотрены и разобраны. От них же первый содержит 50 кодексов или книг, в которых и время, в которое оные были списованы, явилось означено. Другой объемлет в себе 304 книги, и там век, в котором списованы, по мнению помянутого Скиады, надзнаменован. При сем прилагается вместо пристяжения третий каталог 93 книг рукописных, в библиотеке Типографии Московской содержащихся“. Запись о риторике сделана во втором каталоге данной книги, на стр. 51: „Реторика неизвестного XVII в.“. Об истории составления данного каталога сообщает архимандритом Саввою в его „Указателе для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) Библиотеки“, 1858, стр. 18—19.

² Риторика эта ныне хранится в Государственном Архиве древних актов в Москве, № 1028. Она описана в кн. В. Погорелова „Библиотека Московской синодальной типографии. Часть первая — рукописи. Выпуск второй. Сборники и лексиконы“. М., 1899, стр. 23—24.

2. Риторика, аналогичная по содержанию предыдущей. Написана в 8-ю долю, на 79 листах, частью полууставом, частью скорописью начала XVII в. На полях имеются позднейшие небольшие дополнения. Экземпляр реставрированный, переплет бумажный, сделанный в XIX в.

Из собрания П. И. Щукина, № 941; хранится ныне в Государственном Историческом музее.

Начальная страница Риторики отсутствует. Лл. 1—2 заняты словарными записями. Текст Риторики начинается с 3 листа, нач.: „латынстий мудрецы риторику сию науку нарекли...“.

Бумага рукописи имеет водяные знаки — кувшинчик с украшениями наверху из кружков. Н. П. Лихачев указывает, что бумага с таким знаком была распространена в России в XVI в.¹

Рукопись Риторики датирована. На последнем ее 79-м листе внизу написано: „С подлинным справлена слово в слово. Anno dominy 1622 года“. На обороте 79 листа латинскими буквами повторено: „S podlinnoy spravleno“. Ниже этой надписи указан владелец рукописи: „Новгородский мещанин Феодор Васильев господин Фирсов“.

3. Риторика, аналогичная по содержанию предыдущим двум. Написана в 8-ю долю, на 45 листах, мелким полууставом; в кожаном переплете, сделанном в XIX в.

Из собрания В. М. Ундольского, № 874; хранится ныне в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина.²

Заглавие: „Книги суть риторики двои по тонку в вопросах списаны скорого и удобнаго ради научения“.

Бумага рукописи имеет водяные знаки с изображением гербового щита, увенчанного короной; на щите буква N, под щитом в картуше полное имя французского фабриканта: „Jean Nivelles“. В России бумага с таким знаком, как указывает Н. П. Лихачев (Пал. знач. бум. вод. зн., т. II, стр. 149 и т. III, таблица ДС VII, № 4059), была распространена в середине XVI в.

Рукопись датирована. В конце ее имеется следующее примечание писца: „Написася в лета 7131 (1623) года февраля в 8 день. С книги пресвященнаго митрополита Макария богоспасаемых градов Великаго Новаграда и Великих Лук. Подаждь ему, Христе, во общую пользу непобедимыя ти десница помощь. Аминь“.

4. Сборник, состоящий из двух частей: часть первая — Риторика, озаглавленная „Книги глаголемыя суть риторики двои по тонку в вопросах списаны скорого и удобнаго ради научения“; часть вторая —

¹ См. его кн. „Палеографическое значение бумажных водяных знаков“, 1899, т. II, стр. 249—250, № 1657.

² Упоминается в обзорах: А. Викторова. Очерк собрания рукописей В. М. Ундольского, в полном составе (напеч. в кн. „Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского“. М., 1870, стр. 28); А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси, стр. 119—120.

„Книга глаголемая Алфавит“. Обе части написаны одной рукой в 8-ю долю, на 173 листах, полууставом начала XVII в. Рукопись переплетена в деревянные доски, обтянутые тисненой кожей, с двумя медными на ремнях застежками. Риторика занимает листы 1—57.

Из собрания Московской синодальной типографии, № 1028; хранится ныне в Государственном Архиве древних актов в Москве.¹

Рукопись Риторика по содержанию аналогична предыдущим. В. Погорелов относит ее к началу XVII в., не указывая, однако, точно года ее написания. Соболевский считает данную рукопись Риторика копией с вышеописанного нами списка Риторика 1620 г., принадлежащего Синодальной библиотеке, № 933,² но также не указывает, в каком году эта копия была сделана. Мы можем судить о времени написания ее по помете в конце сборника, в который она входит. В последнем абзаце второй части сборника сказано: „В лето 7128 (1620) маиа в 26 день на память святого апостола Карпа, единого от отцев, написана бысть сия святая и боговдохновенная книга глаголемая Алфавит в богоспасаемом и пременитом граде Ярославле повольском рукою многогрешнаго раба божия Георгия Евсевиева сына Комынина“.

На основании этой пометы нельзя еще считать, что список Риторика был сделан также в 1620 г. Но тот факт, что он писан одной и той же рукой, т. е. упомянутым Георгием Комыниным, и оказался в одном переплете с Алфавитом, позволяет нам считать, что он был сделан в 20-е годы XVII в.

В конце XVII в. данная рукопись Риторика оказалась в Патриаршей библиотеке, а затем, вместе с другими рукописями, Риторика была передана в школу Заиконоспасского монастыря. На обороте верхней переплетной доски киноварью написано: „Прислана с Патриарша двора в 7205 (1697)-м году“.³ Из Спасской школы рукопись Риторика была направлена не в Патриаршую библиотеку, как следовало бы ожидать, а была передана в синодальную типографию. В типографии на той же верхней переплетной доске чернилами было помечено: „Книга Риторика была в школе“. Вполне возможно, что, передавая данную рукопись Риторика из школы в типографию, хотели ее напечатать, но затем по каким-то причинам издание это не состоялось. Передача Риторика из школы в типографию состоялась, очевидно, уже после выхода в свет Каталога Афанасия Скиады, т. е. позднее 1723 г., так как в числе 93 книг „рукописных в библиотеке типографии“, перечисленных Скиадою, Риторика не упоминается.

¹ Сборник описан В. Погореловым в кн. „Библиотека Московской синодальной типографии. Часть первая — рукописи. Выпуск второй — сборники и лексиконы“. (М., 1899, стр. 23—24); упоминается А. И. Соболевским в кн. „Переводная литература...“, стр. 119—120.

² Там же, стр. 119.

³ Указанный 7205 год в рукописи написан буквами в замысловатом графическом начертании. В. Погорелов в вышеназванном его описании, не расшифровав этой даты, ошибочно написал вместо „в 7205-м году“ — „в сем году“.

5. Сборник, состоящий из „Грамматики славенска языка“, Риторики и Пасхалии. Написан в 8-ю долю, на 153 листах, разными почерками. Грамматика (лл. 1—77) скорописью начала XVII в., Риторика (лл. 78—139) полууставом. В кожаном переплете.

Из собрания Московской синодальной библиотеки, № 918; хранится ныне в Государственном Историческом музее.¹

Рукопись Риторики по содержанию аналогична предыдущим. Название: „Книга глаголемая Риторика“.

Время написания рукописи Риторики указано в конце ее. На обороте 139 листа писец закончил свой труд следующим обращением к читателю: „Да аще стяжет и известит кто сие учение, мног будет в разуме. Аз же неключимый Феодор имрек. Всем православным христианом любви вашей и временных и вечных благ желатель, трудолюбне потчався написати сию книгу лета 7139 (1631) году, в славу святой единосушней и неразделимой троицы, отцу и сыну и святому духу, аминь“.

На обороте 1 листа имеется помета владельца рукописи. Скорописью XVII в. написано: „Справщика иерея Никифора Симеонова“. Выше этой пометы написано рукою Афанасия Скиады: „Videtur scriptus seculo 17“.

Мы перечислили пять рукописей Риторики, которые были написаны почти в одно десятилетие, в период с 1620 по 1631 г.

По содержанию все вышеперечисленные списки являются одинаковыми (в части основного текста) и, следовательно, исходят от одного источника.

Риторика эта состоит из двух книг: Книга первая „О изобретении дел“ и книга вторая „О украшении слова“.

В первой из них содержится пять разделов:

- 1) Общее определение риторики и ее задач.
- 2) О родах речей („научающем, судебном, рассуждающем и показующем“).
- 3) О местах общих для каждого рода речей.
- 4) О возбуждении страстей.
- 5) О расположении слова или рассуждения.

Не все из этих разделов в одинаковой степени широко изложены, но между ними имеется внутренняя связь, вытекающая из основной цели науки о красноречии.

„Что есть риторика и что содержит учение ее?“ — спрашивается в первом разделе. „Риторика есть яже научает пути правого и жития

¹ Упоминается в „Алфавитном указателе славянских рукописей Московской синодальной библиотеки“ в кн. архимандрита Саввы „Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне синодальной) библиотеки“, 1858, стр. 227. — В. Погорелов. Библиотека Московской синодальной типографии, стр. 24; А. И. Соболевский. Переводная литература, стр. 119.

полезного добрословия. Сию же науку сладкогласием или краснословием нарицают. Понеже красовито и удобно глаголати и писати научает“.

Перед ритором ставятся две задачи: 1) быть „в науке речения зело хитрым“, т. е. знать в совершенстве все правила сочинения речей; 2) содержание его речей должно носить строго деловой и общественный характер. — „А существо его таково есть, — говорится о риторе, — чтоб ему о таких вещах говорити мощно, которые в делах и на градских судах по обычаю и закону господства того где родился, бывают пригодные и похвальные“.

Далее указывается, что ритор должен быть высоко честным и отзывчивым человеком. В его душе должно находить живой и страстный отклик любое общественное событие, любой человеческий поступок. Он должен откликаться на все: „будет бо что ни есть бесчестного или паки славы достойного, богатого или убогого, праведного или нечестивого. Был бы чтоб умел рассуждати и ко всякому делу подобающие слова прилагати“.

Вторая книга Риторике посвящена вопросам украшения слова. Она состоит из шести разделов:

- 1) Общее определение, что есть украшение слова.
- 2) О выобразении или вымысле.
- 3) О родах и видах вымыслов.
- 4) О видах риторических слов.
- 5) Об источниках риторических слов или откуда черпать писателю материал для своих произведений.
- 6) О тройных родах глаголанья.

В риторике отмечается два рода речей: речь простая, естественная и речь художественная. Специфика художественной речи заключается в украшении. Отмечается различие риторике и диалектики, и в связи с этим говорится: „диалектика простые дела показывает, сиречь голые. Риторика же к тем делам придает и прибавляет силы словесные, кабы что ризу честну или некую одежду“.

Во вступительной части второй книги — „О украшении слова“ говорится: „Украшение слова есть, которое ясно и явно и сладкоречием или глаголаньем дела и вещи объявляет и показывает“. Далее указывается, что художественная, т. е. украшенная речь, „созидается и постановляется“ на трех вещах. „Первое на речи грамматической. Второе на выобразении (вымысле). Третье на умножении вещей и дел“.

О речи грамматической в Риторике ничего не говорится, но зато довольно много сказано о вымысле. К ним отнесены разные тропы и фигуры и каждой из них дано соответствующее определение.

Троп упоминается восемь: 1) метафора, 2) металепис, 3) синекдоха, 4) метонимия, 5) антономасия, 6) ономатопея, 7) катехресис и 8) перифразис.

Тропы Разделены в Риторике на два вида: первые относятся к одному слову, как, например, лаять вместо обвинять, печальник вместо

философ; второй вид троп относится к целому повествованию. Первый из этих видов троп назван словесным, второй — тропом речения. К тропам речения (повествования) отнесена аллегория.

— „Что есть аллегория?“

— Аллегория есть вечная и постоянная метафора. Не во едином слове, но о повести. Егда которая речь вещь описуется и объявляется некоторым подобием. Яко же давити кого, вместо того глаголется, что есть виною до безголовного дела“.

Самой аллегории устанавливаются четыре „образа“:

- 1) енигма (хитрое некоторое подобие или загадание);
- 2) парамия, которая есть повесть славная, некоторым новым делом честная;
- 3) ирония (некоторое хитрое молчание);
- 4) сарказм (близко есть иронии, сиречь насмеяние или поругание, воображение).

Однако в Риторике не рекомендуется чрезмерно увлекаться красивыми вымыслами, ибо всякая речь или произведение должно соизмеряться с добрым делом. „Самое украшение и честь добродетелей не возбуждает людей, — говорится далее, — егда не было бы мзды делом добрым. Ибо прискорбное и жалостное есть без мзды быти благим“.

Риторика заканчивается главой „О тройных родах глаголения“. В ней перечисляются три рода: смиренный, высокий и мерный.

Но кроме основного текста имеются в двух списках некоторые дополнения, помещенные перед Риторикой. Написаны они гораздо позднее самой Риторики и, как явствует из их содержания, с целью пропагандирования ее среди читателей. Два из таких дополнений помещены в списке Синодальной библиотеки № 918, сделанном писцом Феодором в 1631 г.

Первое дополнение называется „Ознаменованье или приказнь Риторики“. Оно представляет собою небольшой рассказ о некоем царе, приобретшем землю и установившем на ней порядок и цветущую жизнь. Рассказ этот в занимательной и доступной форме иллюстрирует основные положения данной Риторики. В нем содержится десять глав, взятых из Риторики, и к каждой главе подобрана аналогия из жизни описываемого государства некоего царя. Вот этот рассказ:

„Ознаменованье или приказнь риторики

Изобретение дел.

Царь некто обрете землю удобну и красну и людей в ней множество. Повеле царь ту землю и в ней люди и дома их описать и изчесть.

Чиновное различие.

О том царь повеле росписать их на многостройная урядства: овех на духовный чин, овех купцев устрои; других же войны, инии же паки оратаи и прочая чиновная устроения.

Соединение словес.

Повеле же царь им всем на земли той вкупе действием пребывати, сиречь купити и продавати. Овем же землю делати и недостатки коемуждо ко ближнему своему исполняти.

Память.

Потом же приведе царь от прочих стран разумныя люди различных чинов и повеле им в той земли купити и продаяти и во своя страны отходити. От оных же стран детей и сыновцев приведе и всели в ту землю.

Гласомерное слово от ума.

И повеле им тако пребывати всем вкупе. И кроме его повеления никому же входити в ту землю, яко да не будет тесноты и излишняя зависти и нестроения во устроенной земли и стране той.

Четыре роды.

Потом устрои в той обретенной земли царь четыре уряднейшия дела, над ними же четыре начальники и подначальники, без них же невозможно царству тому состоятися. И овем убо повеле учити люди закону божию и правде; друзии же судити и управляти; инем же паки советовати о всяких належащих делех в земли той; инем же паки по повелению, овех воинствовати, инем же в миру пребывати и иная творити. Мнози же от тех овии венцы и честь и славу приимаху; друзии же осуждению и казни подлежаху. Вся же сия действоваху некия изряднейшия четыре строители устроенныя на сие от царя во стране той и иже во стране той под ними сущия советники.

Шесть частей или статей риторских.

Постави же им царь шесть градов славных и превеликих иже и во всей вселенной славе происходит о них; в них же от многих стран прихожаху и приносаху различная сокровища и бисеры, купли и прибитки дела многого.

Места или статьи общие.

Посреде же всея земли тоя течаше река превелия и сладкопивная, от нея же пияху людие и веселяхуся и по ней путь шествоваху; ово вниз, ово же спротив реце той.

Возбуждение или воскурение сердца.

Некогда же от неких стран егда прихождаху новослышанная начинания, тогда людие с великим устремлением всячески тех к себе ово ласканием, ово извещением, ово прощением примиряху. И тако пребываху во устроении своем неблазненно и безмятежно.

Вторая книга.

Егда же обогащяхуся людие, облачяхуся в красныя и златыя ризы. И тако украшяхуся людие и богатством многим цветяху“.

Следующее дополнение, содержащееся в этом списке, называется „Предисловие“. Написано оно от лица самой Риторики.

„Аз есмь риторика доброглаголиваго и яснозрительнаго разумения. Мною грамматика исполняется и диалектика украшается.

„Сими учении витийскую мудрость составляти научаю и благословная речения ясноглаголателно вещати вразумляю.

„Мною пространное разумение сокращается, сокровенное ясно глаголется и ясное паки или явное сокровенно вещается. От мене мнози риторичи и ветия нарицаются и к высокому царю наставляются; понеже коеждо разумение разделенное собирати вразумляю, многообразие совокупаю и в совокупление многое разумение показую. Аз словесным мужем паче в речении силу подаваю и светлоречием украшаю; и в пременении словес приточными речениями и многообразными предложениями умудряю; и знаменания и судебныя окружения и истинну и в противлении познание и изящное разумение и прочая разсуждения многомудренными разумениями указую. И сего ради мнози вотще покушаются разумети моя пределы, зане в косвенных и нерадивых едва вмещение бывает моему высокому указанию и различеству и собранию“.

Третье дополнение к Риторике содержится в списке Синодальной библиотеки № 933. Называется оно „О Риторичи похвала и сказание“. Основной текст этого списка, как мы указали выше, был написан в 1620 г. Что же касается данного дополнения, то оно было сочинено составителем сборника, в который входит Риторика, новгородским книжником Иваном Козыревым в 1640 г. Оно также написано от лица Риторичи. В нем имеется весьма любопытное косвенное указание на то, как наука о красноречии прививалась у нас в России в начале XVII в.

Риторика говорит вначале о том, что ее „зрят мнози“, но тут же жалуется и на недостаточное внимание к ней. Так как в России эта наука была новой, то автор данной „похвалы“ старается далее разъяснить читателю все достоинства ее и показать, какую она может принести реальную пользу в жизни. С точки зрения пропаганды Риторичи, эта „похвала и сказание“ о ней представляет весьма интересный документ. Приводим его полностью.

„О Риторичи похвала и сказание

Зрят мя убо мнози и не внимают о мне. Аз же яко приятель есмь мудр и благ, иже всех добротую люблю, и в лепоту желания моего всех призываю, и всем по существу има случаю, но вы своя мене честныя науки удаляетеся и навывкнуги мене не желаете. Сего ради и нечаянием моего учения или пристроением некако обычнаго ми права по естеству, яко же лепо бывает, но простии умышлением аки неким глумлением ко мне всегда присвоаетеся, понеже везде и всегда еже пишете и глаголете, то все мною свершаете и украшаете и удобно мнительством сотвораете, и егда что в писменех или в стихов или

в посланиях или в коих беседах и в разговорных речениях без моего риторического пристроения тогда убо разуметися нарицаете и сами неколико в том же ся обретаєте, понеже свою мудрость мене, риторику честную науку, презираете и о науце моего учения стужаете, еже могущую обретаєте вас паче ея умастити и паче червленицы украсити и паче зланных цветов и благовонных аромат разум ваш моим учением удивити. Мною бо и Димостен, иже древний от еллин честен философ, славен ся учинил; той бо мя исперва поиска и обрете, и по нем прочии ритори, иже чудни разумом в человецех явишася, и хитроречию началницы быша и иже мене и риторику нарекоша. Рисис бо по еллински глаголанье или речение толкуется. И иже кто о мне упражняшесь, ритор той нарицашесь, не мене ради, но аз тем, той бо есть существо, аки и мед и воск, аз же случай, яко зрак и печать или он и аз аки плоть и румяньство. Понеже он сый человек, аз же бе наука. Селение же и удобное совокупление имам, еже и диалектика глаголет, яко та со мною и аз с нею. Похвалная же и злато-струйная грамматика с нама же и начало нама. Но сия убо и сия во своих гласовательных трубах да вещают о себе. И аз убо возвещаются да глаголю, есмь бо от седмих честна и велика свободная мудрость, риторика нарицаюся, сийречь хитроречия источник, тем примите мя с любовным вожделием, аз же дамся вам з быстрым светлоречием. Аз бо мудрость есмь сладкогласнаго речения. Аз сладость дивнаго чиновнаго сказания. Аз доброта неоскудеваемого богатства. Аз сокровище некрадомаго стяжательства. Аз велеречие неотягчавающее ушесам. Аз от человек вражды темныя всегда отгоняю и в тоя место светлую любовь в них вселяю. Аз гнев пожиною и брань попираю, благостыню вселяю и совет составляю. Аз лукавая словеса (всегда)¹ посекаю и ложь обличаю и лесьть отсекаю, а целомудрие утверждаю. Аз светлая слава и умная сила. Сего ради не может мудр быти философ, иже неразумевый мене. Взыскавый же мене не утрудится, и обретый мене скоро бес печали будет. Аз младыя научаю и старыя умудряю и в роды благородия того вселяю, понеже во вся мысли урядство слова извиваю, чтобы знал и ведал и имел во всяких вещех детелны, и зримых и в судбах земьских по обычаю закона государства того где кто родился, пригодно и угодно ясно сказати и розсказати, и ко всякому речению светлости словесныя придавати и сладости исполняти и слышащих всех удивляти, и о настоящем бы словеси или речении быстростию суда разстройствовати, и в конечном словесе разговором моим многозримым смыслом незабыти умудрити, и о том, что отчего или откуда приемлются и шествуют укрепления и разрешения изящнаго разсуждения и чего подобает смотреть и хранитися, в том постановлении здравствуйте“.

¹ всегда в тексте зачеркнуто.

Не менее интересным документом является также предисловие к Диалектике Дамаскина — „О диалектике похвала и сказание о разуме ея“, написанное тем же составителем сборника Иваном Козыревым. Оно написано, как мы уже отметили выше, в аналогичном стиле и несомненно с той же целью — пропаганды новых словесных наук среди русских читателей. В этом предисловии к Диалектике говорится также о месте риторики в системе словесных наук.

„О диалектике похвала и сказание о разуме ея

Что чюдитесь и на мя зрящи помышляете и ко мне мнимого ради строптивства не приступаете? Несмь бо такова еже мнительством, но есмь мудра яже зрительством. И се есми велика, и се честна и естеством свободна, яко едина от седми мудростей диалектика по еллинах и, паче рещи по сладчайшему ми русскому во языцех, словесница нарицаюся. Селение же имам и союз общаго рачительства с премудрою грамматикою и со красною риторикою. Одесную мене сия и ошуюю сия, и егда удобно возгласимся составы, тогда и чины и всяко стихом красоту налагаем. Речение же и учение приличным подобием и амвийскою мерою украшаем. Прочее же убо грамматика и риторика во своих беседах сами ся известят.

А аз, диалектика, взыскающим о мне сице поведаю реку: есмь бо такова от создавшего учинена, и несть иже под солнцем вселенныя, кои не подражаша мене словеснии вси. Сего ради и естествословием наричюся к вам. Но вы своя доброты мене удаляетея и своим нечаянием мене пехаете и отрываете. Без мене же быти никогда убо можете, все бо везде и всегда, малии реку и велицныи, кроме мене оправдитися пред богом и человеки не можете. Тем и присвоение в лепоту ко всем вам реку. Иже бо аще кто мыслит и помышляет или мудрит или умудряет или умничает и доумничает или славит или прославляет или речет и прорицает или молит и молитвует или ведает и проведает или беседует и советует или ино таковых подобием речет и действует, то все мое бе естество славное, хитрое и мудрое, явленное пролитие и простертое излитие. Аще кто от древних бысть мудр еллин, рекше Мирос и Платон и похвальный во вратех Аристотель, и прочии вси о мне, диалектице, познашася. Таже и самый во глубоцей премудрости Соломон великая слава, яко един от сих, мене, велемудрую диалектику, позна и рек о мне: Сию возлюбих и взысках от юности моя. Тако же во всех праведных душах мое естество словесное сияние процветает и други божия соделовает и пророки уставляет, верныя же утверждает и вся премудрыя философы благословием умудряет.

Аз бо учительница божия наказания. Аз возжеление множества разумения. Аз любление пресветлаго правдования. Аз мужества умение и целомудрия хранение. Аз будущая и древняя научаю познавати. Аз временам изложения и веков начинания ведати сотворяю. Аз в народе

славная слава и в стареющихся честная честность. Аз на соборех людских златоструйного источника многословное извитие и добротинное строение. Аще бо умолчю — вси мя ждуть, аще возглаголю — вси ми вонмят. Аще два притася на судищи, много правый не обвинится, и виноватый на суд не потягнется. Ниже судя и сам и внимая, и о мне погрешити сима не может. Ниже кто спорлив похощет, ниже кое туне глаголати пожелает, но присно о блазем упражнятися понуждает, не токмо и неразумия своего ся лишает, но и всяко на подражательство благих вещей скоро всегда востекает, дабы ему погрешительно еже что рещи и творити, и тако полумудрию сему моему возрительное же и деятельное разделить уставляет, и не сущее осуществовати являет, о случайми тех по тождественному сличеству совершает, и ясно всех быстротекущими гласы напаяет, и мудрыми разумении исполняет, и славославием услаждает. Такова есмь мудрая диалектика, рекше словесница“ (лл. 206—209).

Совпадение, почти буквальное, некоторых выражений, особенно в начале каждого из приведенных двух предисловий и наивная вера в чудодейственную силу риторики и диалектики, свидетельствуют о том, что оба эти предисловия написаны одним лицом, т. е., как выше было указано, новгородским книжником Иваном Козыревым.

Кто является составителем первых двух предисловий к Риторике, содержащихся в списке Синодальной библиотеки № 918, сделанном в 1631 г., — никаких данных об этом нет. Можно лишь предполагать, что составил их тот же самый писец, который в конце рукописи загадочно подписался „Феодор имрек“.

Для нас несомненным является только тот факт, что все три приведенные здесь предисловия были написаны значительно позднее основного текста Риторике.

Когда же и кем написана была эта Риторика?

А. Востоков, описавший в 1842 г. список Румянцевского музея, № 192, высказал о ней следующее мнение: „Переведена, как видно, с польского. Ибо собственным именам греческим и римским дана польская форма, например атеиенчики вместо афиняне, Маркиса Тилиуша вместо Марка Тулия и проч.“¹

Некоторое предположение об авторе этой Риторике высказал П. М. Строев, руководствуясь при этом пометой писца на списке ее 1631 г. В своем „Библиологическом словаре“ Строев пишет: „Феодор. В рукописи Синодальной библиотеки под № 918 (в 8 д. л., на л. 78—139) помещена: «Книга, глаголемая Риторика», которая оканчивается следующим образом: «Аз же неключимый Феодор имрек, всем православным христианом любви вашей и временных вечных благ желатель, трудолюбие почтався написати сию книгу лета 7139 году, в славу святей единосущней и неразделимой троицы, отцу и сыну и святому духу,

¹ А. Востоков. Описание рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 238—239.

аминь». Этот Феодор есть ли сочинитель сей Риторики, или только писец? По крайней мере в 1631 г. мы уже имели Риторiku¹.

На вопрос, поставленный Строевым, — не есть ли писец Федор „сочинитель сей Риторики“, можно дать только отрицательный ответ. Гораздо раньше Федора, как мы отметили выше, было уже сделано несколько списков этой Риторики.

Наиболее существенные замечания об этой Риторике и ее списках сделал А. И. Соболевский. В своей книге „Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков“ он поместил описание одного списка этой Риторики, принадлежавшего Синодальной библиотеке, № 861. Перечислив основные главы этого списка, он заключает:

„Мы пользовались списками: Синод. библ. №№ 861 (из него взято находящееся выше), 918 и 933, Румянц. муз., Рум. № 192, Унд. № 874, муз. № 2773, Публ. библ. Погод. № 1663. Они все имеют один и тот же текст; но некоторые начинаются словами: «Книги риторики суть двои...». Это — небольшой, но хорошо составленный учебник риторики, без цитат из латинских авторов (обычных в западноевропейских риториках XVI—XVII вв.). Судя по всему, оригинал его был на латинском языке. Переводчик знал по-гречески: Кикерон, Ликиниуш, Димостен, ритор (рядом — синекдохе, синкопе и т. п.). Так как старшие списки относятся к двадцатым годам XVII в. (Синод. № 933—1620 г.,² Унд. — 1623 г.), и так как царская грамота в Троицкий монастырь 1616 г. об исправлении требника теми монахами, которые «грамматику и риторию умеют», заставляет думать, что в начале XVII в. риторика была уже хорошо известна, то позволительно считать нашу Риторiku переведенною не позже конца XVI в.

„Язык — церковно-славянский, правильный и ясный, без полонизмов и западно-русизмов (впрочем: Ликиниуш и т. п.)“³.

О перечисленных Соболевским списках Риторики необходимо сделать несколько замечаний, так как не все они в действительности похожи друг на друга, как предполагает он. Основной список, которым пользовался Соболевский (Синод. библ. № 861), является позднейшим. Он был сделан, как мы укажем ниже, не ранее 1631 г. и содержит в себе целый ряд дополнений и поправок. Два предисловия, содержащиеся в нем, которые цитирует Соболевский, первое: „Царь некий обрете землю удобну“..., второе: „Аз есмь риторика доброглаголиваго и яснозрительного разумения“, — не могут быть отнесены к основному тексту Риторики, так как они были присоединены к ней уже позднее.

¹ Напечатано в Сб. Отд. русск. яз. и сл. Ак. Наук, 1882, т. XXIX, № 4, стр. 301.

² В типографской библиотеке есть другой список 1620 г. — Погорелов. Библиотека Московской синодальной типографии, вып. 2, стр. 23—24. — Это копия со списка 1620 г.? (Примеч. Соболевского).

³ А. И. Соболевский. Переводная литература..., 1903, стр. 118—120.

Второе замечание следует сделать об упоминаемом Соболевским списке из собрания Погодина № 1663. При проверке оказалось, что этот список не имеет ничего общего с данной Риторикой. Составлен он, как показывают водяные знаки на его бумаге, даже не в XVII в., а в конце XVIII в.¹ По содержанию он представляет собою компиляцию из различных риторик более позднего происхождения. Рукопись озаглавлена: „Сия книга, именуемая Риторика, словенски красноречие, или хитроречие, третья премудрость от семи свободных мудростей доброголаволивого и яснозрительного разума“.

Написана она полууставом, в 4-ю долю, на 213 листах. Начинается вступлением „Что есть риторика“. Затем идет „Предисловие риторики“, текст которого полностью переписан из Риторики конца XVII в. Софония Лихуда. В конце этого предисловия к лихудовскому тексту прибавлены новые примеры: „Припоказ политического повествования“, „Припоказ исторического повествования“ и „Пчельная пчел корысти“. Затем следует глава первая „О вопрошении“. Наибольшего внимания заслуживает в этой рукописи глава под названием „О приличном положении речений и сказаний“, в которой говорится о трех родах речей: смирном, среднем и высоком. Однако текст этой главы, за некоторыми исключениями, взят из Риторики 1699 г. Михаила Усачева, о которой мы скажем ниже.

Из приведенных кратких упоминаний о Риторике выясняется только одно мнение о том, что эта Риторика является будто бы переводной: по мнению Востокова, — с польского, по мнению Соболевского, — с латинского. Однако доказательства в пользу такого мнения нельзя признать убедительными. Они построены исключительно на языковых примерах, с полным отвлечением от основного содержания Риторики и от тех данных, которые содержатся в примечаниях писцов в старших списках ее.

Число языковых примеров, взятых Востоковым, невелико и они ни в коей мере не могут характеризовать языка всей Риторики. К тому же, самый подбор их сделан крайне односторонне, в нем пропущено все то, что может характеризовать Риторику как самостоятельный русский труд.

Наблюдения над языком русских переводов XVI и XVII вв. показывают, что в большинстве случаев язык их был чрезвычайно запутанным и тяжелым. В этих переводах оставалось много слов и выражений того языка, с которого они делались.

Сохранился целый ряд отзывов русских людей XVI и XVII вв. о тогдашних переводах. „Книги писаны закрыто“, т. е. непонятно —

¹ Водяные знаки на бумаге Риторики Погодинского собрания № 1663 имеют имитацию знака Pga patria с буквами А. Г. (фабрика А. Гончарова). Н. П. Лихачев в своей книге „Палеографическое значение бумажных водяных знаков“, 1899, ч. I, стр. 415—416 и ч. II, стр. 326 указывает, что бумага фабрики А. Гончарова с такими водяными знаками впервые появилась в 70-х годах XVIII в.

жаловались русские люди Зиновию Отенскому, когда он предлагал им переводные сочинения древних отцов церкви.¹ „Книга переведена необыкновенною славянчиною паче же рещи еллинизмом, и затем о ней мнози недоумевают и отбегают“, — жалуются русские читатели в другом месте.²

Имелись, конечно, в XVI и XVII вв. и хорошие русские переводы, но и в них неизбежно оставалось значительное число слов и выражений из языка оригинала.

Если бы рассматриваемая нами Риторика была переведена с польского, как предполагает Востоков, то она несомненно заключала бы в себе элементы польского языка. Но в действительности в ней этого не наблюдается, если не считать одного, приведенного Востоковым, слова „атениенчики“ вместо „афиняне“. Что же касается собственных имен греческих и римских: „Маркиса Тилиуша“ вместо „Марка Туллия“, „Ликиниуша“ вместо „Лициния“ и проч., то такое написание встречается в русской литературе даже начала XVIII в. В этом факте нужно видеть не частный случай, а рассматривать его в связи с общим явлением проникновения отдельных элементов польского языка в Россию в XVII в. Впрочем, мнение Востокова о том, что русская Риторика переведена с польского, отверг еще Соболевский. Он отметил, как выше было сказано, что язык Риторики — „церковно-славянский, правильный и ясный, без полонизмов и западно-руссизмов“, хотя в нем и встречаются „Ликиниуш“ и т. п.

Наряду с книжными церковно-славянскими формами в Риторике можно встретить много выражений живого разговорного языка: одежда, коли, колиб, сказ, чево, надежа, охочий ко слушанию беседы, пригожий и т. п.

Встречаются формы — Ондрей, Онтон, Остафей и проч., которые свидетельствуют о северном происхождении автора или пребывании его длительное время в северных районах России.

По данным языка, составитель Риторики — русский человек, хорошо знакомый с греческим и латинским языками, однако в написании некоторых слов он предпочитал придерживаться греческого произношения: Димостен, Кикеро, Ликиниуш, ритор и проч.

В изложении Риторики проявилось стремление составителя иллюстрировать ее текст такими примерами, которые могут быть наиболее доходчивыми для русского читателя. Так, например, объясняя сложное понятие „апокопе“, он пишет: „апокопе есть убавление на концы в слове или письме. Якоже есть Иванов, вместо Иванова“ (л. 65). В другом месте составитель вводит в текст русскую пословицу: „Был

¹ П. Николаевский. Русская проповедь в XV и XVI веках. ЖМНП, 1868, январь, стр. 380.

² А. И. Яценский. Образованность в Московской Руси (напеч. в Сб. „Русская история в очерках и статьях“, под ред. М. В. Довнар-Запольского, т. III, 1912, стр. 494).

Федор Федором, до одного времени был думной думным“ (л. 67).¹ Таких примеров не могло быть в польском или латинском оригинале.

Обратимся теперь к упомянутым примечаниям писцов и посмотрим, какие сведения содержатся в них.

В конце рукописи из собрания Ундольского № 874 писец сообщает: „Написася в лето 7131 (1623) года февраля в 8 день с книги пресвященного митрополита Макария богоспасаемых градов Великого Нова града и Великих Лук. Подаждь ему Христе во общую ползю непобедимыя ти десница помощь. Аминь“.

В новгородской епархии до указанного периода было два Макария. Первый из них был известный соратник Ивана Грозного в области просвещения, он был с 4 марта 1526 г. до 19 марта 1542 г. новгородским архиепископом, затем был возведен на московскую и „вся России“ митрополию и в этом звании скончался 31 декабря 1564 г.

Второй Макарий — личность малоизвестная, хотя очевидно и незаурядная. Дошедшие до нас сведения о нем чрезвычайно скупы. Известно, что он был одним из активных участников церковного собора 1572 г.; в 1617 г. назначен был епископом вологодским; ему приписывается Устав о соборной службе, написанный для вологодской и великопермской епархий; в июле 1619 г. Макарий был поставлен в новгородские митрополиты; умер он 12 сентября 1627 г.²

Которому же из них принадлежала данная Риторика? Следует полагать, что ее автор — Макарий, бывший епископ вологодский. В примечании писца Макарий назван митрополитом „Великого Нова града и Великих Лук“. Макарий-старший, в бытность свою в новгородской епархии, именовался архиепископом, а не митрополитом — Митрополия в Новгороде была учреждена в 1589 г.

О назначении Макария митрополитом в Новгород мы нашли данные в одном рукописном сборнике XVII в. Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Q. XVII. 42).³ В этом сборнике помещены исторические известия о новгородских владыках с 6497 (989) по 7171 (1663) г. В них о Макарии говорится следующее:

„В лето 7127 (1619) года месяца февраля в 9 день, призван бысть пресвященный Макарий архиепископ богоспасаемых градов Вологды и

¹ Указание на листы сделано по списку собр. Унд. № 874.

² См. сведения об этом Макарии в кн. Амвросия „История Российской иерархии“, 1807, стр. 79; Ф и л а р е т. Обзор русской духовной литературы, 862—1720 гг. (Уч. зап. АН, 1856, кн. III, стр. 155); П. М. Стр о е в. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. 1877, стр. 730; П. М. Стр о е в. Библиологический словарь (Сб. отд. русск. яз. и слов. АН, 1882, т. XXIX, № 4); Азбучный указатель к Русскому биографическому словарю, 1888, ч. II, стр. 3 и 690; С. В е н г е р о в. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, 1916, т. II, вып. 4, стр. 69.

³ Сборник этот описан Павлом Строевым в его кн. „Первое прибавление к Описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в библиотеке графа Федора Андреевича Толстого“, 1825, стр. 52, № 493.

великие Перми к царствующему граду Москве. И того же лета июля в 22 день поставлен Великому Нову граду и Великим Лукам пресвященный Макарие митрополит в царствующем граде Москве...

„А избрал его на митрополию сам благочестивый великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси самодержец с своим честным отцем и богомольцем великим господином и государем святейшим Филаретом патриархом Московским и всея Руси и с своею матерью с великою старицею государынею нашею инокою Марфю Ивановною.

„А в Великий Новгород приехал пресвященный Макарие митрополит того ж 7127 (1619) году августа в 27 день в пяток на память преподобнаго отца нашего Пимина великого. А на Вологду пресвященный Макарей митрополит во архиепископы взят был из честныя обители Успения пресвятыя богородицы Тихвина монастыря с игуменства в 125 (1617) году. В лето 7135 (1627) году преставился Макарие митрополит сентября в 12 день в 7 час дни. Был митрополитом 7 лет и един месяц и 22 дни“.

Из этого сообщения мы узнаем некоторые дополнительные биографические данные о Макарии. Оказывается, что он до своего архиепископства в Вологде был игуменом Большого Богородицко-Успенского монастыря в городе Тихвине. Сколько времени он был игуменом этого монастыря, — установить точно не удастся, но по некоторым данным выясняется, что не менее четырех лет. В 1614 г. Тихвин подвергся нападению со стороны немецко-ливонских войск, и Макарий принял активное участие в обороне своего города. Сохранилась его отписка по поводу предварительных военных мероприятий по защите Тихвина, датированная 1614 г.¹ Следовательно, с 1614 по 1617 г., до получения назначения в Вологду, Макарий находился в Тихвине.²

Сопоставление всех этих фактов и позволяет полагать, что данная Риторика принадлежала именно этому Макарию. Был ли он также и составителем ее? — этот вопрос требует уточнения.

В заглавии рукописи автор не указан. Слова писца: „Написася... с книги пресвященного митрополита Макария богоспасаемых градов Великого Новаграда и Великих Лук“ можно понимать двояко: названная книга могла быть произведением самого Макария, или она принадлежала только его библиотеке, а написана была каким-то другим, неизвестным нам человеком.

Если бы эта книга была лишь случайной принадлежностью библиотеки Макария, она несомненно могла быть одновременно и у других тогдашних книжников и не только в Новгороде, но и в других городах. Однако все три старших списка этой Риторики (Синод. библи.

¹ Отписка эта напечатана в „Дополнениях к актам историческим“, т. II, № 30.

² Краткое упоминание об этом имеется в кн. Павла Строева „Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской империи“, 1877, стр. 63.

№ 933—1620 г.; собр. Щук. № 941—1622 г.; собр. Унд. № 874—1623 г.) были сделаны в Новгороде. Появление их в Новгороде хронологически совпадает с приездом сюда Макария в качестве митрополита. Он прибыл в Новгород, как указано в известиях о новгородских владыках, 27 августа 1619 г. Спустя несколько месяцев после этого появляется в Новгороде список данной Риторике.

При сопоставлении всех трех этих списков друг с другом выясняется, что все они по содержанию совпадают, за исключением незначительных буквенных опечаток переписчиков и пропущенных ими некоторых слов в тексте. Даже графическое расположение имеющихся в тексте таблиц сделано во всех трех списках совершенно одинаково. В основе всех трех списков лежит один и тот же оригинал. Во втором из них (собр. Щук. № 941) дважды написано: „С подлинным справлена слово в слово“. Поскольку в третьем списке подлинником названа книга Макария, значит она же являлась подлинником и для первых двух списков.

Очевидно Макарий привез Риторику в Новгород из Вологды. Списков этой Риторике, сделанных в Вологде, не дошло до нашего времени, но имеется весьма важное свидетельство о том, что Макарий, в период своего пребывания в Вологодской епархии (1617—1619), занимался преподаванием риторики. Об этом рассказывается в воспоминаниях его современника головщика Кирилло-Белозерского монастыря старца Ефрема, помещенных в одном из списков „Устава о соборной службе“.¹

Старец Ефрем пишет о том, как Макарий учил искусству декламации и публичному произнесению речей. Воспоминание озаглавлено: „Как Макарий «статью чел и людие учил»“. А. Ф. Бычков по поводу этого воспоминания замечает: „любопытный документ для древне-славянской декламации“.²

В данной Риторике имеется в начале специальный параграф (5), в котором затрагиваются вопросы произнесения речей. Называется этот параграф „О гласомерном выговорении“.

Все эти данные дают нам основание полагать, что рассматриваемая нами Риторика написана была Макарием. Время написания ее можно отнести к 1617—1619 гг., когда Макарий занимался в Вологде преподаванием риторики. Вероятнее всего, что она возникла у него как результат его педагогической работы. Педагогическая цель этой Риторике достаточно ясно подчеркнута в ее названии: „Книги суть риторики двой по тонку в вопросах списаны скорого и удобнаго ради научения“.

Составитель Риторике прекрасно эрудирован в области науки о красноречии. Он хорошо знаком с лучшими образцами сочинений

¹ См. об этом: П. М. Строев. Библиологический словарь, 1882, стр. 198.

² Там же.

по этому вопросу античных писателей. Во время своей работы над Риторикой он имел под руками не одно какое-либо руководство по красноречию, а очевидно несколько. Он называет имена Цицерона, Квинтилиана и других античных авторов. В первой главе своей Риторике он подкрепляет свое определение риторики их авторитетами. „Та же наука (риторика) — пишет он, — от Димосфена греческого ритора, сиречь хитроречивого, и от Маркиса Тилиуша Кикерона, латинского хитрословия начальника, чудесным образом украшена есть“.

Вся первая глава, объясняющая существо науки о красноречии, полностью является оригинальной. Она специально написана для такого русского читателя, который был еще совсем незнаком с названием и предметом этой науки.

В начале первой книги „О изобретении дел“ составитель Риторике ссылается на Цицерона и пересказывает его определение по этому вопросу. „Что есть обречение дел?“ — спрашивает он, и тут же отвечает: „О том Кикерон философ писал, что обречение есть, сиречь выдуманье или вымысл праведных вещей или к правде подобных, которые вещи всякое дело яснейшее и к правде подобнейшее показывают“.

Указать точно, пользовался ли он Цицероном по первоисточнику или по пересказу других писателей, не представляется возможным, но одно руководство, которым он пользовался, восстанавливается сравнительно легко, — это монументальный классический труд Марка Фабия Квинтилиана „*Oratoriae Institutionis*“.

Определение сущности красноречия, как одного из видов высокой гражданской добродетели, в этой Риторике сделано в полном соответствии с тем, о чем пишет Квинтилиан в XXI гл. 2-й книги своего труда. „То красноречие, которого образ мы в уме своем начертали, — говорит Квинтилиан, — и правила здесь изложить постараемся, которое прилично честному человеку и составляет истинную риторику, будет всегда добродетель“.¹ Квинтилиан указывает, что эту точку зрения еще ранее его изложил Цицерон, заявив, что „Красноречие есть одна из высоких добродетелей“.² Таким образом составителю нашей Риторике могли быть известны через Квинтилиана высказывания и „латинского хитрословия начальника“ Цицерона.

Но наиболее близко держался квинтилиановского руководства составитель нашей Риторике в своем изложении учения о риторических тропах и фигурах. Это учение изложено им во второй книге Риторике, названной им „О украшении слова“. В самом начале рассуждения о тропах или „выображениях“, как они названы в Риторике, сделана

¹ Марка Фабия Квинтилиана двенадцать книг риторических наставлений. Переведены с латинского имп. Российской Академии членом Александром Никольским и сыном Академией изданы, СПб., ч. I, 1834, стр. 166. — В дальнейшем все цитаты из этого труда будут производиться по данному изданию.

² Там же, стр. 168.

прямая ссылка на Квинтилиана. „Что есть выobraжение (вымысел)“? — спрашивает составитель Риторик и тут же отвечает: — „Выobraжение есть, якож о том описует Квинтилианус, некоторое новое наукою и смышлением, выobraжение глаголаня“.

Сопоставление двух текстов показывает, что определение троп и даже некоторые примеры хотя и близки между собой, но все же русский текст буквальным переводом назвать нельзя. Обширный квинтилиановский труд, наполненный многочисленными отступлениями и цитатами из греческих и латинских авторов, был только частично использован русской Риторикой.

Следует отметить, что наш составитель вдумчиво и критически делал свои выборки из квинтилиановского труда, отвергая в нем то, что не могло соответствовать русскому складу речи. Об этом наглядней всего может свидетельствовать заключительная глава Риторик „О тройных родах глаголаня“.

Квинтилиан говорит о трех родах красноречия довольно подробно (в XII книге своего труда). Он называет три рода красноречия: аттический, азиатский и родосский.

„С давних времен начали разделять слог на азиатский и аттический, — пишет он, — первый всегда почитался надутым и пусторечивым, а другой кратким, чистым и сильным... Мне кажется, что такая разность в слоге произошла от природного свойства и говорящих и слушающих; поскольку афиняне, быв остроумны и понятливы, ничего излишнего и пустого не терпели; азиатцы же, будучи народ тщеславный и надменный, сообщили и образу выражений своих такую же пустую высокомерность... Родосский, как средний и из обоих первых смешанный. Ибо слог сей не так сжат и краток, как аттический, и не так изобилен и растянут, как азиатский, так что, кажется, есть в нем нечто заимствованное и от характера народа и от качества сочинителя“.¹

И как логический вывод из этого рассуждения, у Квинтилиана следует преувеличенная похвала аттическому слогу. „И так нет сомнения, — пишет он, — что из всех родов слога, аттический есть самый лучший. В нем есть нечто общее всем прочим родам, то есть, он требует тонкого и верного вкуса, а отличается от других, смотря по качеству умов“.²

Такого деления красноречия, в котором умалется вкус и качество ума других народов, русский составитель не включил в свою Риторику.

Есть у Квинтилиана еще и другое деление красноречия по родам, находящееся в прямой зависимости от цели оратора, с которою он выступает перед слушателями. Здесь Квинтилиан также называет три рода: „утонченный, сильный, средний или цветущий“.

¹ Часть II, стр. 483—485.

² Там же.

„Из сих трех родов, — пишет он, — первый употребляется для изложения дела, второй для возбуждения страстей, третий под тем или другим именем, для снискания благосклонности в слушателях, или для утишения сильных чувствований. Для изложения же потребна острота и точность, для снискания благосклонности и примирения кротость, для возбуждения страстей сила.

„Итак слог тонкий имеет особенное свое действие в повествовании и приводе доказательств; так что не зависимо от других, он сам собою бывает для сего достаточен. Средний род, будучи наполнен более метафорами, украшен фигурами, пленяет удачными отступлениями, благоприличием выражений и изяществом мыслей: он течет тихо, подобно прозрачным водам реки, коей берега с обеих сторон осеняются зеленеющими лесами. Слог же сильный увлекает слушателей против их воли; тщетно сопротивление; быстрые порывы принуждают следовать невольным впечатлениям; он, как стремительный поток, уносящий с собою самые камни, расторгающий мосты и всякие преграды, обращает умы туда, куда сила его устремляется“.¹

Определение родов красноречия в русской Риторике ближе всего находится ко второму делению Квинтилиана, но, однако, значительно отличается от него. Наш составитель перечисляет три рода речи: смиренный, высокий и мерный. К числу этих родов он относит речь, которою пользуются люди в повседневности. „Род смиренный есть, — пишет он, — который не восстает над обычаем повседневного глаголения“.

Такого определения у Квинтилиана мы нигде не встретим, так как он всюду говорит лишь об искусственной, украшенной речи, фактически отстоящей весьма далеко от повседневного разговорного языка.

Метафорическая речь в русской Риторике отнесена к высокому роду. „Род высокий есть, — говорится в ней, — который хотя большею частию содержится свойственным гласом, и потом паки еще части имеет метафоры и от дальних вещей приятых, достаточну размножает. И придав всяких видов, что от разума своего объявляет и показывает украшение глагола“.

К мерному роду наш составитель относит наиболее распространенную письменную речь: особенно письма, грамоты и политические речи. „Род мерный который хотя есть последний, — пишет он, — имеет участок видов, но во умножении (т. е. в большинстве случаев) ни что же составляет пропинаючи род. А таков есть Овидиуш и письма грамоты и глаголы Кикероновы“.

Практическое применение каждого из перечисленных родов он советует делать в зависимости от природных склонностей каждого оратора. „Чего ради подобает смотреть и бреши различия родов глаголения? — спрашивает он и тут же отвечает: — Сего ради подобает, чтобы есмь

¹ Там же, стр. 499—500.

добродетелей различных творцов, которых чем, лучши осмотрили. И чтобы всякой осмотрил которому роду видел бы ся с приречения быти удобнейшим“ (л. 89).

Таким образом, русский составитель самостоятельно осмысляет рассматриваемые им вопросы и вносит в Риторiku ряд новых мыслей. Наиболее ценным вкладом его, несомненно, является указанная трактовка вопроса о трех родах речи.

Литературное мастерство нашего составителя проявилось и в самом изложении Риторики. Она написана им от начала и до конца в форме диалога. Учитель ставит предполагаемому ученику вопрос за вопросом и тот четко формулирует ему свои ответы. Такой диалог могут вести также и сами учащиеся между собой. Текст диалога не длинный, он рассчитан на легкое запоминание как говорящих, так и слушающих. Вопросы формулируются ясно и не вызывают у учащихся затруднений в их понимании:

„Что есть риторика и что содержит учение ея?“ — спрашивает учитель. Ученик ему должен ответить:

„Риторика есть яже научает пути правого и жития полезного добрословия“.

Но этот ответ носит общий характер и поэтому в дальнейшем, в развитие первого вопроса, ставится второй:

„Паки что есть существо науки риторики?“

„Таково есть, — отвечает ученик, — еже разсужати о долгой беседе или речении и каков бы был чин и урядство частей или статей в беседе и каково есть украшение словесное“.

Такая форма диалога избрана Макарием очевидно с учетом лучших античных образцов — диалогов Платона, Ксенофонта и других, но в риториках античных писателей эта форма не применялась.

Макарьевская Риторика оказала значительное влияние на развитие науки о красноречии в России. В течение более ста лет она пользовалась большим успехом. Это подтверждается ее позднейшими списками. Укажем здесь на четыре списка, сделанных в конце XVII в.

1. Собрание Ундольского, № 875, хранится ныне в Гос. Библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Рукопись написана в 4-ю долю, на 100 листах, четкой скорописью. Переплетена в доски, обтянутые тисненой кожей.

Время составления списка по водяным знакам на бумаге (герб г. Амстердама)¹ можно ориентировочно отнести к 80-м годам XVII в.²

Заглавие рукописи дано на л. 10: „Книги суть риторики двои по тонку в вопросех списаны скорога и удобнаго ради научения“.

¹ Упоминается А. Викторовым в кн. „Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского“, М., 1870, стр. 28.

² Тромонин относит бумагу с таким водяным знаком к 1681 г. (см. его „Альбом бумажных водяных знаков, № 545; упоминание об этом знаке имеется у Н. П. Лихачева, т. II, стр. 124).

Лл. 10—65 „Книга первая о изобретении дел“.

Лл. 65—100 „Книга вторая о украшении“.

В начале рукописи помещены все три предисловия к Риторике, написанные в начале XVII в. (из списка Син. библ. № 918, 1631 г. и из сборника Син. библ. № 933, Предисловие Ив. Козырева).

Лл. 1—5 „Предисловие Риторики“.

Нач.: „Зрят мя убо мнози и не внимают о мне“.

Лл. 5—8 „Ознаменование или приказнь Риторики“.

Нач.: „Царь некий обрете землю...“.

Лл. 8—9 „Наречение книзе глаголемой Риторице“.

Нач.: „Аз есмь Риторика доброглаголиваго и яснозрительнаго разумения...“.

По содержанию Риторика этого списка, за некоторыми исключениями, совпадает со старшими списками: Унд. № 874, Синод. библ. №№ 933, 918, Щук. № 941, Синод. типогр. № 1028.

Одна часть разночтений в этом списке относится к языку. В некоторых местах он исправлен и частично подновлен.

Вторая часть разночтений в этом списке появилась в итоге стремления расширить некоторые главы Риторики за счет дополнительных пояснений некоторых теоретических положений. Такие пояснения введены в первые пять глав с подзаголовками „О том же инако“.

К первой главе „Что есть изобретение дел“ добавлено: „О том же инако. Свойственно есть уму, еже помыслы рождати, но праведныя и удобныя мысли. Изобретение глаголется, пристойит же к сему удобство, вина, различие разума, собрание и смышление, сиречь приклад делу“.

К главе „О чиновном различии“ добавлено: „О том же инако. Обрящещи чиновное различие есть, якоже и в сей книзе обрящещи. Чиновное разделение и ово вселенное, ово же свойственное и прочая, в ней же зрится чин, деление, число, именованье“.

К главе „О соединении слов“ добавлено: „О том же инако. Яко же делатель в хитром своем действе различными украшениями созидает дело, сице же и речеточник мудрый различными разумениями слово свое составляет. И яко оный делатель златом свое дело украшает и уясняет, тако и сей словесное дело украшает и уясняет. Последует же сему учению речеточное украшение, приточное замышление, хитрословное сложение и затейное или подобительное приложение“.

К главе „О памяти“ добавлено: „О том же инако. Память есть еже от научения и почитания божественных писаний приемлетя, яко от Евангелия и прочих святых писаний и от летописных действий на разсуждение разума глаголющаго и слышащаго. Зрится всем воспоминаение, укрепление и истинное толкование, довод делу и украшение слова или разума“.

К главе „О гласомерном выговорении“ добавлено: „О том же инако. Гласомерное слово бывает по разсмотрению дела и в неких некогда

яко светом насреду открываема приносить и является некогда же по ревности, яко от искры световоздушный пламень возгорается. Индеже, яко и кораблю по морю плавание бывает, есть же иногда яко некий источник или сладкопивная река изливается. Некогда же яко мед услаждается и расширяется или сокращается и многовидно разумеается. Последует же сему время, место, лице, дело, мера, различие и конец“.

2. Собрание Государственного Исторического музея № 710. Рукопись написана в 4-ю долю, на 82 л., полууставом. Переплет кожаный с тиснением.

На л. 3 указан владелец рукописи: „Сия книга братьев М. Н. Нагаевых“.

Заглавие рукописи дано на обороте л. 4.: „Сия книга глаголемая риторика сиречь наука, добрословия или хитроречия научающая.“

Книги суть риторики двои по тонку в вопросех списаны скорога и удобнаго ради научения (разумения). Книга первая О изобретении дел“.

Л. 51 „Книга вторая риторики О украшении слова“.

Рукопись на такой же бумаге, имеющей водяной знак герб г. Амстердама, как и предыдущий список из собрания Ундольского, № 875. Надо полагать, что оба они были написаны около одного времени, хотя и разными лицами. Этот список по содержанию полностью совпадает с указанным списком Ундольского. В нем сделаны такие же дополнения с подзаголовком „О том же инако“, как в списке Ундольского.

3. Собрание Гос. Публичной библиотек им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Q. XVII. № 261). Сборник, написанный скорописью, в 4-ю долю, на 165 листах. Переплетен в доски, обтянутые кожей, с медными на ремнях застежками.

Состоит из трех частей:

Лл. 1—67 Диалектика.

Лл. 69—123 Риторика.

Лл. 124—165 Словесница.

Все три части написаны одной рукой. Время написания рукописи указано на л. 67 латинскими буквами: „Spisal Stepan Berezowskiego 7205 (1697) in Hodu jannuaria w 26 d.“.

По содержанию имеющаяся в этом сборнике Риторика полностью совпадает с предыдущими двумя списками конца XVII в.

4. Собрание Синодальной библиотеки, № 861, хранится ныне в Гос. Историческом музее. Рукопись написана скорописью, в 4-ю долю, на 39 листах. Переплет кожаный, с тиснением и кожаными завязками.

Первые пять листов чистые. По содержанию эта рукопись равняется предыдущим трем спискам. В ней отсутствует лишь одно из предисловий к Риторике, которые содержатся в предыдущих списках, начинающееся словами: „Зрят мя мнози и не внимают о мне“.

В конце XVII в. этот список Риторики находился в Патриаршей библиотеке, а затем был передан в школу Заиконоспасского монастыря. На рукописи имеются две надписи: на чистом листе б внизу киноварью и тем же почерком, как и на других риториках, поступавших в Заиконоспасский монастырь, написано: „Прислана с патриарша двора в 7205 (1697)-м году“. Вверху предыдущего чистого листа сделана помета рукою профессора Спасской школы Афанасия Скиады: „Videtur scriptus seculo 18“ (в данном случае в определении века Скиада ошибся).

Все четыре названных нами списка являются однотипными. Все они написаны в одном формате in 4°. В них содержатся одни и те же дополнения и стилистические поправки. Но кроме этих списков, был создан в самом конце XVII в. новый вариант этой Риторики. Макарьевский текст в нем был значительно переработан и расширен. Этот новый вариант дошел до нас также в нескольких списках.

Один из списков его хранится ныне в Государственном Историческом музее, в собрании П. Н. Щукина, № 803. Рукопись написана полууставом, в 8-ю долю, на 154 листах.

Время и составитель ее указаны на обороте л. 154.

„Писавый сию книгу, глаголемую риторикю, многогрешный книгописец Михаил Иоаннов сын Усачев. В лето 7207 (1699) году месяца в день“.

Книга открывается предисловием, которого не было в предыдущих списках Риторики Макария. Называется оно „Предисловие. От риторики похвала и сказание о разуме ея“.

Начало: л. 1. „Риторика есть художество, еже учит слово украшати и отвещавати“.

На обороте л. 1 в это новое предисловие вставлено уже ранее известное предисловие, начинающееся словами: „Зрят мя убо мнози и не внимают о мне“.

В этом варианте Риторики наиболее полно разработана глава о трех родах речи: смирном, среднем и высоком. Названа она здесь „О приличном положении речений и сказаний“. Текст этой чрезвычайно интересной главы имеет отношение к ломоносовскому учению о трех стилях.

Этот вариант Риторики сохранился также в двух списках, находящихся ныне в рукописном отделе Библиотеки Академии Наук СССР (шифры: 21.9.2; 16.7.13). Оба списка по происхождению своему северно-русские.

1. Список первый (21.9.2) написан полууставом, в 8-ю долю, на 175 листах; переплет досчатый, обтянутый тисненой кожей; на передней крышке бумажный ярлык с надписью „Риторика“. Список сделан в конце XVII в.

Книга начинается с предисловия: „Предисловие. О риторике похвала и сказание о разуме ея“.

Список этот был приобретен для Библиотеки Академии Наук В. И. Срезневским во время его экспедиций в 1903 и 1905 гг. в север-

ные губернии (Олонецкую и Архангельскую) с целью собирания старинных рукописей и старопечатных книг.

Этот экземпляр Риторике принадлежал в первой половине XVIII в. Выговской старообрядческой библиотеке известных собирателей старины братьев Андрея и Семена Денисовых. На полях этого экземпляра они сделали свои редакционные поправки. На основании этих поправок, В. И. Срезневский написал карандашом в начале экземпляра: „Поправки скорописью принадлежат Семену Денисову“. Позднее, ознакомившись более подробно с почерками Семена и Андрея, Срезневский уточнил свое определение. В своей книге „Описание рукописей и книг, собранных для императорской Академии Наук в Олонецком крае“ (1913, стр. 208), при описании этой рукописи, он отметил: „В тексте и на полях редакционные поправки и переделки; некоторые из них, может быть, следует приписать Андрею Денисову“.

2. Список второй (16.6.13) более позднего происхождения. Он является точной копией с предыдущего. Писец старательно переписал текст с предыдущего экземпляра из слова в слово, из буквы в букву, скопировав даже все поправки на полях рукописи, которые были сделаны Андреем и Семеном Денисовыми. Этот экземпляр написан мелким полууставом, в 8-ю долю, на 107 листах. Обложка мягкая, кожаная, имеющая специальный отворот с ремешком для завязывания книги. Экземпляр весьма портативный и, судя по переплету, сделанному в виде карманного бумажника, предназначался для дорожных поездок.

В конце XVII и начале XVIII вв. появились в России более совершенные новые работы по красноречию, но генетическая связь их с Риторикой Макария не прерывалась. Особенно большую роль для развития теории литературы сыграла глава из этой Риторике „О тройных родах глаголанья“. В 1706 г. Феофан Прокопович включил эту главу в расширенном виде в свою Риторику. Ломоносов на основе этих материалов разработал свое известное учение о трех „штилях“.